

Н. А. Баранов

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

Социальные трансформации, происходящие в мире, оказывают существенное влияние на политические процессы в современных обществах, которые стремятся адаптироваться к возникающим угрозам и вызовам. Как оказалось, не только транзитные государства находятся в поиске адекватных ответов на вызовы современности, но и стабильные демократии оказываются в сложных условиях. Автор анализирует влияние на принятие политических решений и формирование политической повестки дня следующих факторов: трансформации демократических практик, коммуникационного изобилия, трансформации принципа представительства, недоверия, технологических средств. Автор приходит к выводу о необходимости трансформации и государства, и гражданского общества, что может повлиять решающим образом на формирование политики в интересах общества. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: социальные трансформации, политическая повестка дня, формирование политики, недоверие, технологические средства, демократические практики.

N. A. Baranov

INFLUENCE OF MODERN SOCIAL TRANSFORMATIONS ON FORMATION OF THE POLITICAL AGENDA

The social transformations happening in the world have significant effect on political processes in modern societies which seek to adapt to the arising threats and calls. As it has appeared, not only the transit states are in search of adequate answers to present calls, but also stable democracies appear in difficult conditions. The author analyzes influence on adoption of political decisions and formation of the political agenda of the following factors: transformations democratic practicing, communication abundance, transformation of the principle of representation, mistrust, technological means. The author comes to a conclusion about need of transformation and the state, and civil society that he can influence in a decisive way formation of policy for the benefit of society. Refs 14.

Keywords: social transformations, political agenda, formation of policy, mistrust, technological means, democratic practicing.

Социальные трансформации в современном мире оказывают решающее влияние на все сферы жизнедеятельности общества. Политика находится в числе тех сфер, которые наиболее восприимчивы к переменам, так как процесс принятия политических решений ориентирован на адекватное отражение в управленческой деятельности актуальных для общества проблем. Однако далеко не все политические системы восприимчивы и чутко реагируют на изменения. Можно предположить, что неоднозначные политические процессы, происходящие в разных странах на различных континентах, тесно взаимосвязаны с турбулентным характером изменений в современном обществе. Причем не только транзитные государства находятся в поиске оптимальных путей развития, но и стабильные демократии не го-

---

Баранов Николай Алексеевич — доктор политических наук, профессор, Балтийский государственный технический университет «Военмех», Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1; nicbar@mail.ru

Baranov Nikolay A. — Doctor of Political Sciences, Professor, Baltic State Technical University "Voenmeh", 1, 1-ya Krasnoarmeyskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation; nicbar@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

товы к адекватным ответам на угрозы и вызовы современности. Поэтому в XXI в. оказалась востребованной тема несовершенства демократии: «хрупкости» современных демократических систем, «дефицита демократии», «обещаний и угроз демократии». Этой теме посвятили свои работы Ф.Шмиттер, Б.Каплан, Ш.Эйзенштадт, Дж.Сартори, К.Оффе, Ж.Бешлер, Н.Боббио, Дж.Кин, Н.Урбинати, О.Хеффе и другие западные исследователи, которые исходя из современных реалий пытались понять и объяснить перемены, связанные с влиянием общества на принятие политических решений; эволюцию демократических практик в условиях глобальных перемен; значение технологических усовершенствований в политическом процессе. Исходя из анализа современных трансформаций, можно выделить следующие факторы, которые являются определяющими с точки зрения влияния на принятие политических решений и формирование политической повестки дня: трансформация демократических практик, коммуникационное изобилие, трансформация принципа представительства, недоверие, технологические средства.

1. Трансформация демократических практик. Особенностью демократических процедур является установление основными политическими игроками определенных правил при неопределенности результатов политики, что создает прочные основы для общественного диалога в процессе принятия решений относительно дел общественной важности и предполагает институциональные пути развития политики. В данном контексте демократия не предполагает согласия по различным ценностям, а, по мнению американского политолога Дэвида Хелда, «предлагает способ взаимосвязи ценностей и предоставления разрешения ценностных конфликтов участникам открытого процесса, подлежащего соблюдению лишь некоторых условий, защищающих порядок и форму самого процесса» [1, с. 429].

Тем не менее, несмотря на широко распространенную констатацию приверженности демократическим идеалам, сегодня, в том числе в западном мире, зачастую преобладают иные практики, свидетельствующие об искажении демократических норм и ценностей, непосредственно влияющих на выработку политики. Профессор Колумбийского университета Нина Урбинати выделяет три типа искажения демократии: неполитическое, связанное с минимизацией партийного влияния на принятие решений; популистское, связанное с мобилизацией большинства в ущерб интересам меньшинства; плебисцитарное, ориентированное на прямую связь политического лидера с народом и его поддержку через всенародный плебисцит. Популистская и плебисцитарная формы широко распространились в странах Латинской Америки и в постсоветской России, а впоследствии возникли в западных демократиях. То, что публично известные лидеры, благодаря своей популярности и харизме получают неограниченную возможность говорить и принимать решения от имени поддерживающих их людей, становится распространенным явлением. В связи с такими переменами Н. Урбинати акцентирует внимание на ценностях демократии, заключающихся в том, что такая форма политического устройства «позволяет гражданам менять свои решения и лидеров, не ставя под вопрос политический порядок» [2, с. 26]. Поэтому ключевую роль в условиях трансформации демократических практик играет согласование целей и средств.

С такой позицией солидаризируется английский и австралийский политолог Джон Кин, который считает, что «опасности для демократии возникают в форме плебисцитарной идентификации масс с публичным лидером и в форме популист-

ских претензий на представление всего народа в качестве однородного единства ценностей и истории» [3, с. 31]. Плебисцитарную демократию он характеризует как президентскую массовую демократию, которая снижает значение либеральной концепции ограничения власти и разделения властей. К тому же «президентские демократии более склонны и к популистскому стилю в политике, и к плебисцитарному типу отношений между лидером и народом» [3, с. 328–329].

В сложившихся условиях важное значение приобретает коммуникация между обществом и властью через применение делиберативных практик, повышающих ответственность субъектов политики за принятые решения. Делиберативный процесс осуществляется в рамках публичной политики, в которой участники стремятся убедить друг друга в принятии тех или иных решений, и характеризуется американским политологом Джозефом М. Бессетом как «обсуждение по существу государственной политики» [4, с. 5]. Таким образом, процесс коммуникации, следствием которого является политика в интересах общества, претерпевает изменения, появляются новые тенденции, связанные с делиберацией, рассматриваемой как обсуждение в ходе подготовки и принятия решений, дискуссии в законодательных органах или комиссиях.

2. Коммуникационное изобилие. Дж. Кин в работе «Демократия и декаданс медиа» пишет об эпохе «коммуникационного изобилия», связанного с широким распространением современных средств коммуникации, которые изменяются быстрее, чем большинство людей способны их освоить. Поэтому граждане участвуют в этой глобальной коммуникационной революции лишь косвенно. Тем не менее демократизация информации, связанная с расширением доступа к опубликованным материалам и отменой привилегий в области информации, способствует оживлению политики. Как пишет Дж. Кин, демократизация информации «выступает в качестве силы, нацеливающейся на голодные умы, ранее стесненные неэффективной коммуникацией» [3, с. 39].

В то же время возникают новые проблемы в контексте соотнесения публичного и частного. Появился термин «деприватизация частного потенциала», характеризующий политическое вторжение в частную жизнь. Ситуация, в которой личное становится политическим в связи с необходимостью для представителей власти быть открытыми для общества, налагает определенные ограничения на действия публичных политиков, заставляя отказываться от рискованных поступков, приводящих к дискредитации их не только как индивидов, но и как политических деятелей.

В эпоху коммуникационного изобилия увеличивается также число избранных представителей — «защитников общественных интересов и ценностей, публичных фигур, чей авторитет лежит за пределами электоральной политики» [3, с. 74]. Это авторитетные публичные фигуры, которые завоевывают общественное внимание и уважение благодаря различным формам медийного освещения их деятельности. Зачастую становясь лидерами общественного мнения, они повышают возможности демократической политики, расширяя горизонты политического и влияя на официальные механизмы представительства и принятие политических решений. Эффективно пользуясь возможностями коммуникационного изобилия, избранные представители дорожат своей репутацией, приобретая легитимность через общественную добродетель, духовную или религиозную непреклонность,

личную смелость, борьбу с различными пороками общества, несправедливыми политиками или институтами власти. Поэтому их роль в информационную эпоху резко возросла, так как их мнение может повлиять решающим образом на отношение общества к избранному курсу или принимаемым решениям и на мотивацию людей к политическому участию.

3. Трансформация принципа представительства. Представительство интересов различных слоев населения — важнейшая компонента в принятии политических решений. Представительная форма демократии заключается в учете мнения народа не только при проведении выборов (демократия по Й. Шумпетеру), но и в повседневной жизни. Парламентарии представляют народ, или, как образно пишет Ф. Манов, «представляемые живут в своих представителях и действуют через их посредство» [5, с. 77]. Согласованность пожеланий общества и действий власти не носит обязательного характера, но оставляет возможность народу влиять на принимаемые решения. В то же время у народных избранников сохраняется относительная свобода действий.

Одним из принципов представительного правления, согласно Б. Манену, является управление посредством обсуждения. Обсуждение, с точки зрения французского философа, — «это не процедура принятия решения, но способ оценки, тщательного исследования и испытания государственных решений» [6]. Создание атмосферы, в которой возможны высказывание различных мнений, реакция властей на результаты обсуждения актуальных проблем, возможность корректировки неудавшегося, с точки зрения общества, представительства — проблемы, решением которых заняты современные политические системы.

Характеризуя интенсивность представительства, Ф. Манов выделяет «горячее» и «холодное» представительство. В одном — «наэлектризованное напряжение, возникающее между вождем и толпой в театральной обстановке», в другом — «дистанция между парламентом и отсутствующим суверенным народом». В одном — «интенсивность представительства, сопряженная с ситуацией, в другом — временное расширение процесса представительства». В одном — «прямое отражение масс в вожде и отождествление с ним»; в другом — «абстрактное, не прямое копирование парламентом тела народа» [5, с. 146]. Таким образом, «горячее» представительство характерно для обществ, ориентированных на сильных харизматичных личностей, а «холодное» — для политических систем, в которых представители встроены в демократические институты, минимизирующие политические издержки.

Представительство в органах власти должно отражать, по выражению П. Розанваллона, «всю анатомию общества» (цит. по: [5, с. 100]). Но так как обязанности представителя — политические, то под репрезентативностью следует понимать представительство именно тех или иных идей, востребованных в обществе, а не конкретных слоев населения. Поэтому представительство предполагает постоянную сверку с избирателями и обществом в целом относительно доминирующих ценностей и идей. Без такой связи оно теряет смысл, так как парламентарии начинают представлять только самих себя в отрыве от общества.

В данном контексте актуальной будет модель мониторинговой (мониторной) демократии, которую Джон Кин характеризует как новую историческую форму демократии, некую «разновидность “постэлекторальных” политики и правительства, определяемых быстрым ростом самых разных типов внепарламентских

механизмов контроля власти» [3, с. 104–105]. Модель мониторинговой демократии предложил американский исследователь Майкл Шадсон. Развитию этого концепта Дж. Кин посвятил свою работу «Жизнь и смерть демократии» [7].

В условиях мониторинговой демократии контроль власти может осуществляться независимыми организациями публичной сферы, которые действуют как в правительственных структурах, так и в рамках гражданского общества, а также в трансграничных зонах, подчиненных государству или корпорациям. Изменяется динамика самоуправления, ослабляется власть выборов, партий и парламентов над жизнью граждан. Независимые контролеры власти оказывают все большее воздействие на принятие решений правительственными и парламентскими институтами, корректируя их программы в интересах общества.

4. Недоверие. Американский социолог Чарльз Тилли считает доверие важной характеристикой демократии. На примере США Ч. Тилли показывает, как возникающие сети доверия, основанные на миграционных потоках, этнической принадлежности, религии, родстве, дружбе и совместной работе, в случае интеграции в публичную политику способствуют формированию демократической политической системы. В них «осуществляются разнообразные связи, главным образом прочные, которые люди завязывают относительно ценных, важных и долгосрочных ресурсов и предприятий, подвергаясь риску возможного преступления, ошибок или неудач других людей» [8, с. 103]. При этом один вид недоверия, по мнению американского ученого, становится необходимым условием демократии: «Взаимное согласие ведет к тому, что население не готово вручить правителям карт-бланш, какими бы справедливыми выборы ни были» [8, с. 118].

Кризис современных демократий, с точки зрения болгарского политолога Ивана Крастева, заключается не в институтах демократии, а в потере доверия масс к элитам. Избиратели могут, например, поменять правительство, но зачастую не способны изменить экономическую политику, поэтому наступает глубокий упадок общественного доверия к эффективности общественных институтов. Недоверие «возникает из-за того, что избиратели почувствовали свое собственное бессилие — из-за разочарования в демократии» [9, с. 17]. Избиратели в таком случае не верят, что их голоса на деле что-то значат для управления страной даже тогда, когда они признают, что выборы были свободными и честными.

Если возникает разочарование в демократии, то ряд граждан стремится покинуть страну, уклоняясь таким образом от борьбы за эффективность демократии. С точки зрения И. Крастева, «готовность остаться и изменить реальность лежит в основе демократической политики. Именно поэтому демократия не может существовать без доверия и именно поэтому политика как управление недоверием может стать горьким итогом демократической реформы» [9, с. 122].

5. Технологические средства. С одной стороны, технологические средства, необходимы для осуществления свободы мнения, расширения возможностей граждан по контролю за действиями правительства. С другой стороны, они позволяют власти посредством использования экономических и финансовых ресурсов проникать в политику через контроль над средствами коммуникации. Таким образом, некоторые ресурсообеспеченные институты и граждане могут получать больше возможностей проводить в жизнь решения, в которых они заинтересованы. Яркий пример такого преимущества продемонстрировал итальянский политик и бизнесмен

Сильвио Берлускони, контролировавший деятельность шести национальных телеканалов, в результате чего итальянцы стали пассивными зрителями, не способными контролировать деятельность премьер-министра.

Новые технологии в совокупности с формированием наднациональных управленческих структур приводят к нарушению баланса между ветвями власти. Так, в Европе возник миф технического правления — правления экспертов по финансам, которое входит в противоречие с представительным правлением, ответственным перед своими избирателями. Н. Урбинати полагает, что одно из ключевых понятий современной теории демократии — «демократический космополитизм» — возникло в рамках утопического проекта сторонников единой Европы, по замыслу которых распространение демократических ценностей за пределы национальных границ должно обеспечить защиту демократии и управление экономической глобализацией [10]. Однако в данном проекте образовался существенный изъян: доминирование исполнительной власти, которая без какого бы то ни было демократического контроля реализует управленческие функции. Сложившуюся в Евросоюзе систему принятия решений Н. Урбинати называет «просвещенным деспотизмом», который характеризуется расширением полномочий бюрократии и отсутствием механизмов, обеспечивающих подконтрольность политических органов обществу.

Развивая данную тему применительно к состоянию свободы в современной Италии, профессор Принстонского университета, итальянский политический философ Маурицио Вироли утверждает, что «в ней есть свобода, но это свобода слуг, а не граждан. Свобода слуг или подданных заключается в том, что нам не препятствуют в достижении наших целей. Свобода гражданина, в свою очередь, состоит в том, чтобы не испытывать на себе своевольную или огромную власть одного или нескольких человек» [11, с. 7]. М. Вироли полагает, что состояние несвободы возникает вследствие подчинения огромной власти легитимно избранных политиков, которые зачастую избираются за счет современных технологий. В этом случае граждане лишаются моральных качеств свободного народа — уважения к Конституции, готовности соблюдать законы и исполнять гражданский долг. В таких условиях они могут поступать иррационально, поддерживая ограничения на свободу, полагая, что они будут способствовать повышению стабильности и, следовательно, повышению уровня жизни граждан. Американский экономист Дж. К. Гэлбрейт справедливо отмечал: ничто «не ставит более жесткий барьер свободе гражданина, чем полное отсутствие денег» [12, р. 2].

Однако авторитарная стабильность не является залогом высокого уровня жизни, скорее наоборот. Такая стабильность основывается на боязни перед государственными органами за те или иные санкции, направленные против гражданина, не разделяющего мнение власти. Авторитарная стабильность повышает бесконтрольность власти, усиливает зависимость человека перед государственными структурами. Осознание такой зависимости — достаточно продолжительный по времени период, когда человек все больше убеждается в ошибочности своих политических предпочтений и в целесообразности перемен. Причем чем выше цена иррациональности, тем больше вероятность, что человек от нее откажется. Американский экономист Брайан Каплан определяет цену иррациональности количеством «богатства, которым действующий человек имплицитно жертвует, потребляя очередную единицу иррациональности» [13, с. 173].

Необходимыми условиями для формирования политики в интересах общества, по мнению немецкого философа, почетного профессора Тюбингенского университета Отфрида Хёффе, являются ресурсы, присущие демократиям (и по причине отсутствия которых недемократии соперничать с демократиями не могут): активное гражданское общество, высокий уровень обучения и образования, социальный и культурный фундамент, политическое устройство, способное гибко реагировать на новые вызовы [14, с. 311]. Однако чтобы перечисленные ресурсы работали, недостаточно просто назвать систему демократической — речь должна идти о переносе в практическую плоскость процесса «двойной демократизации»: взаимозависимой трансформации и государства, и гражданского общества, что может повлиять решающим образом на формирование политики в интересах общества.

Литература

1. Хелд. Д. Модели демократии. 3-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 544 с.
2. Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин; науч. ред. перевода В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 448 с.
3. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
4. Бессет Дж. М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 336 с.
5. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 176 с.
6. Landemore H. Is Representative Democracy Really Democratic? Interview of Bernard Manin and Nadia Urbinati. New York, 2007. April 10. URL: http://www.laviedesidees.fr/IMG/pdf/20080327_manin_en.pdf (дата обращения: 10.10.2016).
7. Keane J. The Life and Death of Democracy. London; New York; Sydney; Toronto: The End Company, 2009. 992 p.
8. Тилли Ч. Демократия. М.: АНО «Институт общественного проектирования», 2007. 263 с.
9. Крастев И. Управление недоверием / пер. с англ. А. А. Ожигановой. М.: Европа, 2014. 128 с.
10. Урбинати Н. Реполитизация представительства в Европе // Интернет-журнал «Гегфтер». 10.12.2014. URL: <http://gefeter.ru/archive/13761> (дата обращения: 10.10.2016).
11. Вироти М. Свобода слуг / пер. с итал. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 144 с.
12. Galbraith J. K. The good society // Guardian. 1994. 26 January. P. 2.
13. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику / пер. с англ. Д. Горбатенко; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. 368 с.
14. Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 328 с.

Для цитирования: Баранов Н. А. Влияние современных социальных трансформаций на формирование политической повестки дня // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 4. С. 15–23. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.402

References

1. Kheld D. *Modeli demokratii* [Models of Democracy]. Third edition. Moscow, Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2015. 544 p. (In Russian)
2. Urbinati N. *Iskazhennaiia demokratiia. Mnenie, istina i narod* [The distorted democracy. Opinion, truth and people]. Transl. from English by D. Kralechkin; scientific transl. ed. by V. Sofronov. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2016. 448 p. (In Russian)
3. Kin Dzh. *Demokratiia i dekadans media* [Democracy and decadence of media]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. 312 p. (In Russian)
4. Besset Dzh. M. *Tikhii golos razuma. Deliberativnaia demokratiia i amerikanskaia sistema gosudarstvennoi vlasti* [Low voice of reason. Deliberativny democracy and American system of the government]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2011. 336 p. (In Russian)

5. Manov F. V *teni korolei. Politicheskaia anatomiia demokraticheskogo predstavitel'stva* [In a shadow of kings. Political anatomy of democratic representation]. Transl. from English by A. Yakovlev. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2014. 176 p. (In Russian)
6. Landemore H. Is Representative Democracy Really Democratic? *Interview of Bernard Manin and Nadia Urbinati. New York, 2007. April 10*. Available at: http://www.laviedesidees.fr/IMG/pdf/20080327_manin_en.pdf (accessed: 10.10.2016).
7. Keane J. *The Life and Death of Democracy*. London, New York, Sydney, Toronto, The End Company Publ., 2009. 992 p.
8. Tilli Ch. *Demokratiia* [Democracy]. Moscow, ANO "Institut obshchestvennogo proektirovaniia", 2007. 263 p. (In Russian)
9. Krastev I. *Upravlennie nedoveriem* [Management of mistrust]. Transl. from English by A. A. Ozhiganova. Moscow, Evropa Publ., 2014. 128 p. (In Russian)
10. Urbinati N. Repolitizatsiia predstavitel'stva v Evrope [Repolitization of representation in Europe]. *Internet-zhurnal «Gefter»*. 10.12.2014 [Internet-zhurnal «Gefter», 10.12.2014]. Available at: <http://gefter.ru/archive/13761> (accessed: 10.10.2016). (In Russian)
11. Viroli M. *Freedom of* (Russ. ed.: Viroli M. *Svoboda slug*). Transl. from Ital. I. Kushnareva. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 144 p.).
12. Galbraith J. K. The good society. *Guardian*, 1994, 26 January. P. 2.
13. Kaplan B. *Mif o ratsional'nom izbiratele. Pochemu demokratii vybiraiut plokhuiu politiku* [The myth about the rational voter. Why democracies choose bad policy]. Transl. from English by D. Gorbatenko, ed. by A. Kuryaev. Moscow, IRISEN, Mysl Publ., 2012. 368 p. (in Russian)
14. Kheffe O. *Est' li budushchee u demokratii? O sovremennoi politike* [Whether democracy has a future? About modern policy]. Transl. from German, ed. by V.S. Malakhov. Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2015. 328 p. (In Russian)

For citation: Baranov N.A. Influence of Modern Social Transformations on Formation of the Political Agenda. *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 4, pp. 15–23. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.402

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.;
рекомендована в печать 19 октября 2016 г.